

В заключение еще раз подчеркнем научную ценность двух библиографических приложений — в первом из них перечисляются источники исследований автора, во втором подводятся итоги его собственных публикаций.

Итак, перед нами сборник, который с большим интересом будет прочитан и фольклористами, и этнографами, и социологами, и театроведами, и искусствоведами более широкого профиля. Несмотря на то, что большинство работ, в него включенных, написаны в 20 и 30-е гг., они имеют, как мы стремились показать, далеко не только историко-графическую ценность.

К. В. Чистов

Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, 228 стр.

Книга Э. С. Маркаряна — первый в советской литературе обобщающий труд, разбирающий исходные, фундаментальные проблемы теории культуры, т. е. проблемы, имеющие большое значение для любых гуманитарных дисциплин. Но пожалуй, наиболее близки эти проблемы именно специалистам в области этнографии, в том широком понимании предмета этой науки, который свойствен советской школе и объединяет распространенные за рубежом понятия этнологии, культурологии или социальной и культурной антропологии (этими терминами пользуется в своем труде и Э. С. Маркарян).

По мнению Э. С. Маркаряна, понимание проблемы культуры, «базирующееся на определении культуры как „совокупности материальных и духовных ценностей, созданных человечеством“, возникло не как итог продуманного и углубленного исследования проблемы теории культуры, а как результат некритического принятия случайно утвердившейся в 40-х годах формулы» (стр. 7). Сам же автор считает, что культура есть «не что иное, как специфически характерный для людей способ деятельности и объективированный в различных продуктах результат этой деятельности» (стр. 11). Нетрудно заметить, что вторая часть определения (результат) и есть не что иное, как «совокупность ценностей», и заслуга автора состоит именно в разделении понятия на «результат» и «способ». В дальнейшем автор оперирует именно пониманием культуры как «способа» — определенных институционализационных нормативных форм для разных видов человеческой деятельности.

Суть воплощенных в культуре принципов организации коллективной жизни Э. С. Маркарян усматривает в способности вырабатывать внебиологические по своему источнику (т. е. потенциально не заданные биологическим типом организации) средства и механизмы, благодаря которым постоянно контролируется общая биологическая природа существ, составляющих общество, программируется и направляется их поведение в требуемом для поддержания социальной жизни русле и обеспечивается специфический обмен веществ между социальной системой и природной средой путем материального производства (стр. 217). Подобное понимание феномена культуры позволяет автору предложить теоретическую модель для его расширительной ноологической трактовки. Кроме того, эта модель позволяет достаточно четко расчленить познавательные функции понятий «человеческая деятельность» и «культура», очень часто отождествляемые в литературе. Человеческая деятельность, согласно точке зрения Э. С. Маркаряна, это социально направленная активность людей, культура же — способ ее осуществления (стр. 210).

На наш взгляд, основная ценность концепции Э. С. Маркаряна состоит во введении им трех параметров рассмотрения социального организма (социальной системы) людей — этого совокупного объекта исследования для всего комплекса гуманитарных наук. Эти три параметра суть: 1 — социальная структура (система взаимоотношений между индивидами и группами), 2 — структура культуры (отношения между разными специфически человеческими механизмами осуществления деятельности людей), 3 — структура деятельности (отношения между участками приложения координированных усилий, направленных на решение различных задач).

Однако, к сожалению, Э. С. Маркарян, вводя эти параметры, не оценивает их как различные иерархические уровни, хотя это также явно необходимо. Более того, в самом перечислении их он не следует тому порядку, который напрашивается при подобной иерархии. И это не случайно. Автор прямо возражает Мериллу, считаящему, что вначале возникает общество, а затем культура. Э. С. Маркарян заявляет, что им «общество» и «культура» рассматриваются не как соотношение части и целого, а как выражение двух различных сторон, планов органически единого и генетически одновременно возникающего целого» (стр. 57). И далее Э. С. Маркарян, в целом справедливо, рассуждает о несопоставимости человеческого общества и обезьяньего стада, о необходимости отграничения особенностей именно человеческого коллектива от более общего понятия коллективной организации жизни, свойственной и животным.

Однако сам же автор не оспаривает всеобщего, всеобъемлющего характера этой коллективной организации жизни, в рамках которой может быть выделено много уров-

ней и типов — начиная от растительного сообщества, к таким типам, как стая саранчи, коллективный организм пчел или муравьев, функционирующие лишь в рамках жестко доминирующей наследственной программы поведения, затем стадо копытных, стая хищников и даже уже весьма сложно и иерархично организованное обезьянье стадо, где играет значительную роль научение и индивидуальный опыт, и наконец, собственно человеческое общество, которое способно закреплять типы поведения в традициях благодаря созданию знаковых, символических систем, и прежде всего речи. Все это — различные сообщества, среди которых человеческое общество занимает особое определенное место, ибо только оно институционализируется через культуру. Итак, вводимые Э. С. Маркаряном параметры следует расположить в таком порядке: 1) *деятельность*, которая присуща любым организмам, даже изолированным и не входящим ни в какие сообщества (очевидно, именно так жили примитивные тупайеподобные предки приматов), затем 2) *общество* (точнее сообщество) как самое широкое понятие коллективных форм жизни и 3) *культура*, т. е. институционализация общественного способа деятельности (поведения), вместе с которой возникает и собственно человеческая форма общества (палеонтологически, очевидно, этот рубеж совпадает с рубежом между подсемействами австралопитецин и гоминин в семействе гоминид). Очевидно, можно было бы выделить еще четвертый уровень, а именно, личность. Э. С. Маркарян отмечает вскользь в своем труде (стр. 30), что лишь благодаря появлению культуры смог образоваться такой специфически человеческий феномен, как личность, но нам представляется, что он возник не одновременно с культурой, а как результат определенного уровня развития последней.

Здесь нужно отметить еще два обстоятельства: хотя общество (социальная структура) есть система взаимоотношений не только групп, но и индивидов, все же индивиды в этой системе выступают не как личности, а как носители определенных типовых социальных функций; и далее, что эти четыре параметра соответствуют разным уровням зрительного приближения к объекту: на уровне *деятельности* мы рассматриваем социальный организм с высоты птичьего полета, на уровне же *личностей* — как бы в лупу.

Очевидно, что введение этих трех (или четырех) параметров имеет важное значение для теории познания всех гуманитарных наук, для разграничения в самых общих чертах их сфер. Так, представляется, что экономика связана с *деятельностью*, социология с *обществом*, этнография («культурная антропология» по терминологии Э. Маркаряна) с *культурой*. Далее, пользуясь этой схемой, мы понимаем, что земледелие или охота как общие категории относятся к сфере деятельности, землевладение или право на охотничью территорию — к сфере общества, а конкретные приемы земледелия или охота — к сфере культуры. Подобное разграничение для наших наук имеет важное методологическое значение, позволяет создавать более четкие схемы анализа исследуемых объектов.

Эти моменты — основные, которые хочется выделить при рассмотрении первой части книги «Феномен культуры». Вообще же содержание этой части значительно шире. Большой интерес представляет, например, разбор и критика Э. С. Маркаряном взглядов Рэдклифф-Брауна, Макайвера, Боаса, Лесли Уайта. Но пересказ их вряд ли возможен и целесообразен в рамках краткой рецензии.

Вторая, большая по объему часть книги, посвящена проблеме культурно-исторической типологии. И в ней позитивное рассмотрение вопросов сочетается с критическим анализом наиболее влиятельных современных концепций, в которых эти вопросы нашли свое отражение. Следует как заслугу автора подчеркнуть строго научный, аргументированный характер полемики, которую он ведет с представителями немарксистской социологической и культурологической мысли. Э. С. Маркарян не декларирует свою точку зрения, а постоянно пытается ее обосновать путем тщательного и многостороннего анализа рассматриваемых проблем. Очень убедителен, в частности, его критический анализ влиятельных в западной культурологии XX в. теорий О. Шпенглера, А. Тойнби, М. Херсковица, Р. Бенедикт и др., которые он именует «концепцией эквивалентных культур»¹. Не менее интересен раздел книги, посвященный соотношению неэволюционизма в американской культурной антропологии и учения об общественно-экономических формациях.

Центральной идеей второй части работы следует считать выделение автором двух качественно различных способов обобщения исторических систем, которым соответствуют два вида историко-типологических понятий — общих и локальных (для обозначения последних автором вводится также термин «локальная культура»). Э. С. Маркарян совершенно справедливо отмечает, что исторически данная культура (цивилизация) представляет собой сложное образование, не определяемое однозначно. Это обычно игнорируется в литературе, где нередко понятие «культура» и «цивилизация» используются без должной дифференциации двух качественно различных планов, в которых может и должна быть рассмотрена каждая конкретная культурно-историческая система. Понятие исторически данной культуры, отмечает Э. Маркарян, приобретает различный смысл в зависимости от того, имеются ли в виду общие типы культур или же локальные типы культур. Одно дело, например, когда мы говорим о различных капиталистической и

¹ Ранее это направление мысли Э. С. Маркаряном было названо более широко, а именно концепцией «локальных цивилизаций». См.: Э. С. М а р к а р я н, О концепции локальных цивилизаций, Ереван, 1962.

феодалной культур, совершенно другое, когда говорят о различии индийской и китайской культуры. В первом случае имеются в виду различия общих типов культур, выражающих различные этапы, уровни культурно-исторического развития, во втором же внимание акцентируется на различии между локальными типами культур, воспроизводящими индивидуальное своеобразие исторически выработанных народами образов жизни (стр. 129).

Смещение этих двух качественно различных планов рассмотрения исторически данных культур Э. Маркарян считает одним из фундаментальных пороков идеалистической философии истории XX в.

Особый раздел второй части книги посвящен проблеме сравнительного изучения исторических систем (глава четвертая), где автором поставлен ряд интересных проблем. Следует в этой связи отметить и другие работы данного автора, впервые в нашей литературе специально посвященные обобщенной постановке проблемы сравнительного метода под углом зрения познавательных задач исторической науки в целом².

Книга Э. Маркаряна не только последовательно материалистична, но и лишена догматизма. Объектом критики автора выступают не только немарксистские концепции, но и точки зрения, вулгаризирующие и упрощающие историко-материалистическую теорию. Большой интерес в этом плане имеют те места книги, которые посвящены обоснованию историко-материалистического монизма и учения об общественно-экономических формациях (стр. 42—51, 139—181).

С сожалением приходится констатировать, что эта весьма информативная и стимулирующая творческое мышление книга выпущена в свет в недостаточно отредактированном виде. Нет спора, сюжет, избранный автором, труден, и законно требовать от читателя известного труда для его постижения. Но иногда язык изложения усложнен больше, чем этого требует предмет. Читатель стремится вчитываться в формулировки автора, ответственность предмета требует от них недвусмысленности на уровне юридического текста, а между тем в ряде предложений нарушены требования синтаксической согласованности, которую с трудом приходится постигать догадкой.

Недостатком книги является и отсутствие библиографии. Постраничные ссылки не вполне восполняют этот пробел. В них нельзя найти, например, ни одного труда Р. Макайвера, хотя взгляды его подробно разбираются. Совершенно недостаточно использован в работе конкретный исторический и этнографический материал. Однако, несомненно, эти отдельные погрешности никак не умаляют ценности содержания книги Э. С. Маркаряна, которую с пользой прочтет каждый специалист, занимающийся проблемами материальной и духовной культуры первобытности и классовых формаций, общественной организации и поведения человека.

С. А. Арутюнов

² См. Э. С. Маркарян, О значении сравнительного метода в культурно-историческом познании, «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 4; его же, Об основных принципах сравнительного изучения истории, «Вопросы истории», 1966, № 7.

НАРОДЫ СССР

В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., «Наука», 1970.

Народные предания — один из самых популярных видов фольклора. Со времен древнейшей русской летописи ими пользовались историки, поэты и писатели, воссоздававшие картины национального прошлого; они неизменно привлекали внимание этнографов, краеведов, путешественников. Но, как ни странно на первый взгляд, широкая известность преданий мало помогала их подлинно научному исследованию. Они обычно привлекались как вспомогательный материал и рассматривались лишь в аспекте основной задачи историка, публициста или художника; в то же время, в качестве источника, то для выявления особенностей местного репертуара, то как штрихи к портрету героя литературного произведения.

Монография В. К. Соколовой — по существу первое большое исследование, посвященное русским преданиям как особому, богатому и многообразному виду народного творчества, который сам по себе представляет определенную познавательную и художественную ценность, имеет общенациональное распространение и занимает самостоятельное место в системе фольклорных жанров. В исследовании всесторонне учтены и тщательно обобщены все накопленные как в дореволюционной, так и в советской науке факты, наблюдения и выводы. Уже объем справочно-библиографического аппарата книги наглядно показывает, какой огромный материал был накоплен в этой области. Однако ссылки убедительно свидетельствуют и о том, какими разрозненными, часто случай-